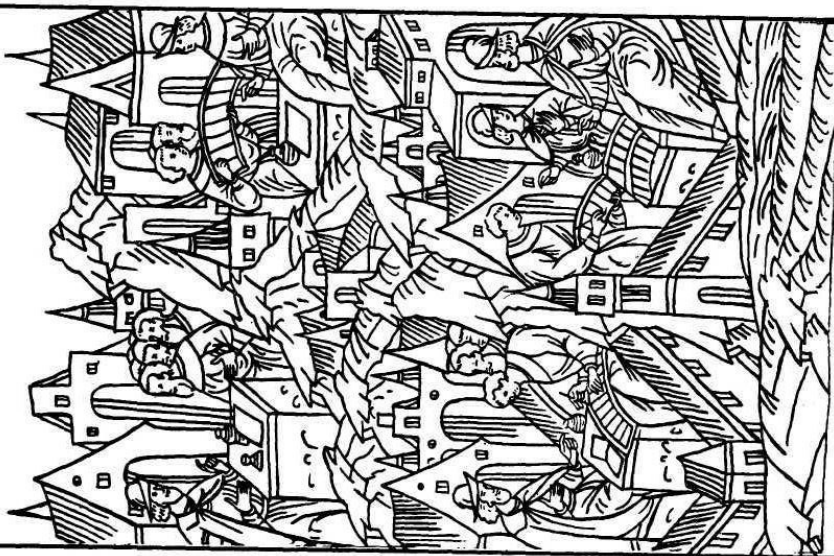

Пříloha

Text originálu

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

юся жанровую систему, начинает освобождаться от провинциализма, символичности, этикетности — ведущих принципов художественного метода средневековой литературы. Житие превращается в бытовое жизнеописание, демократизируется жанр исторической повести.

Второй этап развития русской литературы второй половины XVII в. связан с церковной реформой Никона, с событиями исторического воссоединения Украины с Россией, после чего начался интенсивный процесс проникновения в древнерусскую литературу литературы западноевропейской. Историческая повесть, утрачивая связи с конкретными фактами, становится занимательным повествованием. Житие становится не только бытовым жизнеописанием, но и автобиографией — исповедью горячего мятежного сердца.

Традиционные жанры церковной и деловой письменности становятся объектами литературной пародии: церковная служба пародируется в службе кабаку, житие святого — в житии пьяницы, челобитная и «судное дело» в «Калязинской челобитной» и «Повести о Ерше Ершовиче». Широкой волной в литературу устремляется фольклор. Жанры народной сатирической сказки, эпоса, песенной лирики органически включаются в литературные произведения.

Самосознание личности находит отражение в новом жанре — бытовой повести, в которой появляется новый герой — купеческий сын, заудалый безродный дворянин. Изменяется характер переводной литературы.

Процесс демократизации литературы встречает ответную реакцию со стороны господствующих сословий. В придворных кругах насаждаются искусственный нормативный стиль, церемониальная эстетика, элементы украинско-польского барокко. Живой народной лирике противопоставляется искусственная силлабическая книжная поэзия, демократической сатире — нравоучительная абстрактная сатира на нравы вообще, народной драме — придворная и школьная комедия. Однако появление силлабической поэзии, придворного и школьного театра свидетельствовало о торжестве новых начал и подготавливало появление классицизма в русской литературе XVIII в.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Каковы хронологические границы древнерусской литературы и каковы ее специфические особенности?
2. Перечислите основные темы древнерусской литературы.
3. Как решается современная наукой проблема художественного метода древнерусской литературы?
4. Каков характер средневекового мирозерцания и какова его связь с методом и системой жанров древнерусской литературы?
5. Какой вклад в изучение древнерусской литературы внесли русские и советские ученые?
6. Каковы основные периоды развития древнерусской литературы?

меньшинства над большинством трудового населения, нуждалась в идеологическом обосновании. Этого обоснования не могли дать ни племенная языческая религия, ни устное народное творчество, обслуживавшее ранее идеологически и художественно базис родового строя.

Развитие экономических, торговых и политических связей вызвало потребность в письменности, существование которой является одной из необходимейших предпосылок появления литературы.

Данные советской лингвистической и исторической науки свидетельствуют о том, что письменность на Руси появилась задолго до официального принятия христианства. О существовании каких-то форм письменности у славян уже во второй половине IX в. свидетельствуют черноризец Храбр и «Паннонское житие Кирилла».

Создание славянской азбуки Кириллом и Мефодием в 863 г. явилось актом величайшего культурно-исторического значения, способствовавшим быстрому культурному росту как южных, так и восточных славян. К концу IX — первой четверти X столетия древняя Болгария переживает замечательный период расцвета своей культуры. В этот период здесь появляются выдающиеся писатели: Иоанн экзарх болгарский, Климент, Константин и сам царь Симеон. Созданные ими произведения сыграли важную роль в развитии древнерусской культуры. Близость древнерусского языка древнеславянскому («...*славянский язык и русский един*», — подчеркивал летописец) способствовала постепенному усвоению новой письменности восточными славянами.

Мощный толчок широкому распространению и развитию письменности на Руси дало официальное принятие христианства в 988 г., которое помогло закрепить идеологически новые общественные отношения складывающегося феодального общества.

Для развития самобытной древнерусской культуры немаловажное значение имело то обстоятельство, что Русь приняла христианство из Византии, являвшейся в то время носителем самой высокой культуры. Византийская православная церковь, уже фактически к тому времени обособившаяся от западной римской католической (формальное разделение церквей произошло в 1054 г.), дала гораздо больший простор формированию национальных особенностей культуры. Если католическая церковь выдвинула в качестве литературного языка латинский, то греческая православная церковь допускала свободное развитие национальных литературных языков. Литературным церковным языком Древней Руси стал язык древнеславянский, близкий по своему характеру, грамматическому строю языку древнерусскому. Возникшая оригинальная литература способствовала развитию этого языка, обогатившая его за счет разговорной устной народной речи.

С конца X в. можно говорить о появлении определенной системы образования на Руси — «*книжного учения*».

Христианство сыграло прогрессивную роль в становлении культуры Древней Руси. Киевская Русь выдвигается в число передовых государств Европы. В конце X — начале XI в., как свидетельствует Адам

Исторические предпосылки. Литература зарождается лишь в условиях развития классового общества. Необходимыми предпосылками ее возникновения являются образование государства, появление письменности, существование высокоразвитых форм устного народного творчества.

Возникновение древнерусской литературы неразрывно связано с процессом создания раннефеодального государства. Советская историческая наука опровергла норманнскую теорию происхождения древнерусского государства, доказав, что оно возникло не в результате призвания варягов, а в результате длительного исторического процесса разложения родового общинного строя восточнославянских племен. Характерная особенность этого исторического процесса в том, что восточнославянские племена переходят к феодализму, минуя стадию рабовладельческой формации.

Новая система общественных отношений, основанная на классовом господстве

Бременский, Киев по своему богатству, населенности соперничает с Константинополем.

В 30–40-е годы XI столетия в Киеве уже много искусных переводчиков, которые «перелагают» книги непосредственно с греческого языка на «славянский». Сын Ярослава Всеволод владеет пятью иностранными языками, его сестра Анна, став французской королевой, оставляет собственноручную подпись — «Анна регина», в то время как ее царственный супруг вместо подписи ставит крестик.

В развитии книжной образованности, в том числе и литературы, большую роль играли монастыри, явившиеся в первые годы своего существования очагом новой христианской культуры. Особенно велика была в этом отношении роль Киево-Печерского монастыря, созданного в середине XI столетия.

Итак, образование ранней письменности древнерусского государства и возникновение письменности явились необходимыми предпосылками появления литературы.

Основные источники. В формировании литературы активно участвуют, с одной стороны, устное народное поэтическое творчество, и с другой — книжная христианская культура, идущая как от южных славян, в частности болгар, так и от Византии.

Начавшееся сравнительно недавно историческое изучение фольклора показывает, что у восточных славян к X в. существовали высоко развитые формы устного народного творчества. Исследователи полагают, что в это время в фольклоре происходит переход от мифологических сюжетов к историческим. Историческое родовое предание, топонимическая легенда, предание, связанное с мотыльниками, героическое сказание, песни о военных походах занимают ведущее место в устной поэзии той поры.

К этому периоду относится, по-видимому, формирование народного эпоса, сыгравшего исключительно важную роль в становлении оригинальной древнерусской литературы.

Княжеские дружины, совершавшие многочисленные военные походы, очевидно, имели своих певцов, которые увеселяли их во время пиров, слава песни-«славы» в честь победителей, прославляя князя и его храбрых воинов. Героические песни дружинных певцов, эпические сказания о битвах, походах составляли своеобразную устную летопись, которая затем частично была закреплена письменностью.

Таким образом, фольклор был основным источником, который давал образы, сюжеты формирующейся оригинальной древнерусской литературе. Через фольклор в нее проникали не только художественная образность народной поэзии, отдельные элементы стили, но и народная идеология.

Усваивая христианскую идеологию, народ приспособлял ее к своим языческим понятиям и представлениям. Это и породило такую весьма характерную особенность русской жизни, как «двоеверие», которое длительное время удерживалось в народном сознании, что получило отражение и в древнерусской литературе. На протяжении

всей истории развития литературы устная народная поэзия была тем живительным источником, который содействовал ее обогащению.

Важную роль в формировании литературы сыграли также искусство устной речи и деловая письменность. Устные речи были широко распространены в жизненной практике раннефеодального общества, военачальники перед началом сражений обращались к своим воинам с речью, подавая им «*дерзости*», воодушевляя на ратный подвиг. Устная речь постоянно использовалась в дипломатических переговорах: отпавлявшиеся выполнять свою дипломатическую миссию послы обычно заучивали наизусть слова, которые им приказывал передать тот или иной правитель. Эти речи содержали определенные устойчивые словосочетания, они отличались сжатостью, выразительностью.

Словесные формулы вырабатывала также и деловая письменность. Лаконизм и точность выражений устной речи и деловой письменности способствовали развитию сжатого, афористического стиля изложения в литературных памятниках.

Не могла не оказать большого влияния на формирующуюся оригинальную древнерусскую письменность и усваиваемая русскими книжниками христианская книжная культура.

Философские основы древнерусской литературы. Философскими основами древнерусской литературы являлись христианские канонические книги Нового завета Евангелие и Апостол, а также ветхозаветная книга Псалтырь. Отнюдь не случаен тот факт, что древнейшими, дошедшими до нас памятниками древнерусской письменности стали Остромирово софско-дидактическое Изборника великого князя Святослава 1073 г. Изборник восходит к древнеболгарскому энциклопедическому Сборнику царя Симеона (X в.), переведенному с греческого.

Первоосновой христианской философской мысли явились евангелия и апостольские послания. Они включали в свой состав жизнеописание земной жизни Божьего человека Иисуса Христа, изложение и разъяснение его вероучения, описание его страстей и самовольной смерти, его чудесного воскресения и вознесения на небеса.

О значении евангелия в жизни христианских народов, и в частности русского, писал в 30-е гг. прошлого столетия А. С. Пушкин в статье «Об обязанности человека»: «Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали все наизусть, которое не было бы уже *повищеною народом*; оно не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелие, — и такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в

силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие»¹.

Научную значимость Евангелия четко подчеркнул В. Г. Белинский: «Есть книга, — писал он, — в которой все сказано, все решено, после которой ни в чем нет сомнения, книга бессмертная, святая, книга вечной истины, вечной жизни — Евангелие. Весь прогресс человечества, все успехи в науках, в философии заключаются только в большем проникновении в таинственную глубину этой божественной книги, в осознании ее живых, вечно непреходящих глаголов»².

Процесс развития древнерусской литературы был связан прежде всего с постепенным проникновением в «таинственную глубину» этой «вечной книги», «книги жизни» — Евангелия, овладении ее философским содержанием и языковыми богатствами, постепенно ставшими пословицами, крылатыми выражениями.

Основные философские мысли Древней Руси в первые века принятия ею христианства были обращены на богопознание³, на постижение тайн божественной премудрости, созданного Богом мира, премудрости Божьего творения — в системе мироздания.

Уяснению этих вопросов была посвящена классическая святоотеческая византийская литература IV столетия: творения Василия Великого, Григория Богослова, Афанасия Александрийского, Иоанна Златоуста, Григория Нисского, а также творения философа и поэта первой половины VIII столетия Иоанна Дамаскина. Его «Слово о первой вере», переведенное на древнеславянский язык Иоанном Экзархом болгарским в X в., являлось философско-богословской основой православной веры.

Иоанн Дамаскин рассматривал философию как познание всего сущего, природы видимого и невидимого мира, ставил вопросы о его начале и конце. Он рассматривал философию как уподобление Богу. Бог же является высшим идеалом нравственного совершенства, бессмертным воплощением добра, истины и красоты.

Первостепенное место в христианско-богословской философии отводилось учению о святой Троице, т. е. учению о триединстве Бога, его нераздельных триединных ипостасях: Бога Отца, Сына и Святого Духа. Эта философская концепция по сути дела представляла собою идею триединного бытия и сознания.

9-я глава Изборника Святослава 1073 г. так излагает учение о святой Троице словами Михаила синкела Иерусалимского: «...Не три Бога,

¹ Лукин А. С. Поли. собр. соч.: В 10 т. Т. VII. Критика и публицистика. М.: Л., 1949. С. 443.

² Белинский В. Г. Поли. собр. соч.: В 13 т. Т. 2. М., 1953. С. 555—556.

³ Подскавыки Герхард. Христианство и богословская литература Киевской Руси (988—1237 гг.). 2-е изд. СПб., 1996.

но единый Бог, единое Божество в трех лицах равновечное, ни естественное, ни образное, где Отец и Сын и Дух, и где же Дух, где же Отец и Сын. Проще сказать: Троице поклоняемся в единиче, и единиче в Троице, единиче, заключающей в себе три существа, и Троице единосущной и вместилищной и наравне с другими (ипостасями) не имеющей начала. Единое исповедуя святой Троицы Божество, единое и единосущное Божество, единой силы, единой власти, единое господство, единое царство, единое вечно существующее, нерожденное, безначальное, неопишемое, непостижимое, беспредельное, неизменяемое, непоколебимое, бессмертное, вечное, бесстрастное, все и всяческое создающее и содержащее, промыслительно управляющее небом и землей и морем, и все, что в них видимое и невидимое».

Венец Божьего творения — Человек. Он создан Богом по своему образу и подобию. Образ Божий дан человеку от рождения, но только от личной воли человека зависит сохранить этот образ во время своей земной жизни и уподобить себя Богу.

Человек наделен создателем бессмертной, разумной и словесной душой. В этом отличие человека от бездушных, неразумных бессловесных тварей Божих, созданных для человека и подчиненных человеку.

Христианское мирозерцание увлачивало мир, противопоставляя материальный, видимый мир миру духовному, невидимому. Первый — временный, преходящий, второй — вечный. Эти начала временного и вечно заключены в самом человеке, его бренном, тленном теле и вечной бессмертной душе. Душа сообщает жизнь телу, одухотворяет его, и в то же время «плотские соваты» (соблазны) искажают душу, искажают образ Божий, которым наделен человек от рождения. Плоть — источник низменных страстей, болезней, страданий. «Господствующая сила души — разум», — утверждал Иоанн Дамаскин. Благодаря разуму человек и становится властелином всему. Разум освобождает от их власти, ибо страсти порабащают человека.

С помощью пяти «слух» (чувств) разум позволяет человеку познать окружающий его материальный мир. Но это низшая форма познания. Цель высшая — познание мира невидимого, познание сущностей, скрывающихся за видимыми явлениями мира материального. Проникнуть в эти сущности человек способен не «телесным очима», «телесными ушима», а путем отверзания «духовных» очей и ушей, т. е. путем внутреннего духовного прозрения, размышления. Аскеза, подавление плотских страстей, молитвенный экстаз отверзают «духовные очи» человека и они-то открывают человеку сокровенные тайны Божества, позволяют ему проникать в скрытые от «телесных очей» сущности мира невидимого и тем самым приближают человека к познанию Бога.

Сотворив первого человека — ветхого Адама и его жену Еву, Бог поселил первых людей в насажденном им на Востоке Раю и заключил с ними завет: Адам и Ева могут пользоваться всеми благами райской

жизни, но не имеют права вкушать плодов от насажденного посреди рая древа познания Добра и Зла. Однако дьявол-искуситель — носитель абсолютного зла, вселившись в змея, соблазняет Еву нарушить завет, а Ева в свою очередь побуждает Адама вкусить запретный плод. Совершается первоначальный грех, преступлен Божественный завет, и Адам и Ева изгнаны Богом из рая на землю. Люди обречены теперь на смерть, тяжкий труд и муки (Адам в поте лица будет снискивать хлеб свой, Ева в муках рождать детей).

Однако всемогущественный человеколюбец Бог не дает окончательно поглотить своим созданиям — людям и посылает на землю своего единородного сына. Воплотившись в человека, Бог Сын — Иисус Христос путем добровольной искупительной жертвы спасает от окончательной гибели людей. По прав собственной смертью Смерть, он даровал людям жизнь вечную, вечное блаженство — спасение всем уверовавшим в Христа.

Таким образом, Бог, с точки зрения христианской философии, не является источником и причиной зла. Главный виновник зла — «ис-кони ненавидящий род человеческий» — дьявол и слуги его бесы, а также зло коренится в самом человеке, и связано оно со свободой его воли, свободой выбора между добром и злом («уклоняться от зла, или злом быти», — как пишет Изборник 1073 года).

Перед каждым человеком встает вопрос: каким путем ему следует идти в земной жизни: просторной ли дорогой греха, позволив греху поработить страстями свою душу, либо узким тернистым путем добродетели, связанным с борьбой со страстями и стремлением освободиться от них. Первый путь ведет в вечную муку, второй — к спасению.

На первый путь толкают человека бесы. Источник греха — «плотные (плотские) соваты»: многооядение, многопитие, многосоние». «Лень бо мати всех пороков», — наставляет своих чад Владимир Мономах. Она порождается праздностью и влечет за собой пьянство и блуд, а «в пьянстве и блуде душа и тело погибают человеков». Как дым протоняет пчел, так винные пары изгоняют из головы царя души — разум и его место занимает безумие.

Древнерусская литература, однако, не перекладывает на потусторонние бесовские силы все зло мира. Оно утверждала, что злой человек может быть хуже беса: «бес креста боится, а злой человек ни креста не боится, ни людей не стыдится». Особенно отвратительны те люди, которые соорят друзей друг с другом и толкают других на путь неблагодетельный. Древние книжники предупреждали о том зле, который приносит людям лживые пророки, скрывая под овечьей шкурой хищную сущность злых волков.

Большое зло приносят стране злые, недобрые советники, подавая недобрые советы властителю они «наводят на всю страну "мерзость"». Даже сам сатана способен являться человеку в образе светлого ангела и слуги его преобразаться в праведников. Эту мысль в дальнейшем будет развивать Киево-Печерский патерик.

Однако и сам Бог допускает зло, но только в известных пределах, в качестве «педагогических целей» воздействия на допускающих прегрешения людей, для призыва их ко всеобщему покаянию. С помощью небесных знамений (затмения луны, солнца) Бог предостерегает о грозящей людям опасности, а затем карает нашествием иноплеменников «грех ради наших». «Вся земля, елико же творят нам страны, по повелению Божию творят», ибо «человеколюбец (Бог) убо праведный судия Бог согрешающим нам предаёт ны многожады супостатам, не на погибель, но на покаяние», дабы люди перестали творить беззакония и покаяться в своих грехах.

Евангелия и святоотеческая литература утверждают постулат о том, что «власти мирския от Бога вчинены суть», и «всяк владыка и царь, и епископ от Бога поставляется», в том числе и недостоинные правители. Последние поставяются по Божию «попущению» или «хотению». Такие немилостивые правители — результат Божьего наказания людей страны за их прегрешения.

Христианство значительно приблизило Бога к Человеку. Оно создало яркий образ Божочеловека Иисуса Христа, соединившего в себе две природы Божескую и Человеческую. Он рожден как человек, проходит свою земную жизнь как человек, терпит страсти как человек, принимает самовольную смерть на кресте как человек. В то же время Иисус рождается в результате благоговения архангела Гавриила, не нарушая девственности матери, как Бог творит чудеса, как Бог воскресает на третий день после своей смерти, является воскресшим ученикам своим как Бог и как Бог возносится на сороковой день после воскресения на небо и занимает на небесах подобающее свое место, одесную Отца, и как Бог он должен вновь явиться на землю, свершить праведный Страшный суд и установить Тысячелетнее царство добра и справедливости.

Тексты священного писания и святоотеческая литература в лице Божочеловека Иисуса Христа создали идеал человечества «векочный», по словам Ф. М. Достоевского.

Христос своим новым веручением указывал путь нравственного совершенствования человеку, путь уподобления Спасителю, путь преодоления низменных страстей, путь просветления. Изображением этого пути достигнута божественного идеала и была посвящена житийная литература, являвшаяся одним из любимых чтений народа русского. Знаменитая картотека академика Н. К. Никольского, хранящаяся в Библиотеке Российской Академии наук, насчитывает 5 508 названий оригинальных древнерусских житий.

Одной из важнейших сторон христианской философии явилась разработка учения о Боге-Слове. Основы этого учения заложены в Евангелии от Иоанна: «В начале было Слово; и Слово было у Бога. Оно было в начале у Бога. Все через него начало быть, и без него ничто начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков».

Эти евангельские слова были истолкованы следующим образом. Слово — это единственный Сын Бога, воплощение Его творческой силы и могущества. С помощью Слова Бог сотворил мир и все сущее в мире. Он сказал: «Да будет свет», и стал свет. Слово — животворящее божественное начало всего сущего, оно является началом жизни, светом истины для людей.

С этими положениями средневековой философии связана глубокая вера средневекового человека в силу слова, несущего людям свет истины. Этот «свет и во тьме светит и тьма его не обнимет». Это положение объясняет причину интенсивного развития в древнерусской литературе учительного слова, живого слова пастырей, обращенных к своей пастве. В этих словах, как отмечал Н. В. Гоголь, — пробивались начала оригинальности нашей древней литературы. В словах пастырей излагались основы христианской морали. Изложению этих основ были посвящены слова энциклопедического Изборника 1076 г. Они давали ответ на насущный вопрос новообращенных христиан «как крестьянам жити?».

Составитель Изборника подбирает слова в определенной тематической последовательности с целью направить своего читателя—слушателя на «правый путь спасения».

Открывает Изборник 1076 г. оригинальная статья, не имеющая аналогов в греческом языке «Слово некоего калуэра (монаха) «О чтении книг». Его цель — показать значение книги в духовно-нравственной жизни «всякого христианина». Письменное слово — книга — несет то благо, добро, которое необходимо человеку в жизни. Оно несет свет истины. Поэтому калуэры и призывает читателя к медленному внимательному прочтению книги от «главицы к главице», что необходимо для уяснения смысла прочитанного. Для этого читателю необходимо обращаться не одиножды, а «трижды» к одной и той же главе. Как правитель уздой удерживает коня, так и праведнику книга является «уздой воздержания».

«Красота воину — оружие, кораблю — ветрила, так и праведнику почитание книжное». Здесь на первый план калуэры выдвигает значение книги как средства воздержания его от низменных страстей. Книга позволяет человеку обрести внутреннюю красоту и гармонию. Она является духовным оружием человека в борьбе с грехом. Книга подобна ветрилам (парусам), направляющим жизненный корабль человека в плавании по бурным волнам моря житейского. И книга является тем украшающим человека оружием, которое защищает его от житейских бурь и тревог.

Калуэры призывает «братию» разверзнуть «духовные уши» и послушать «силу и поучения» святых книг. В качестве примера калуэры ссылается на жития Василия Великого, Иоанна Златоуста, Кирилла Философа (просветителя славян), которые «измлада прилежли святых книг» и «на добрыя дела подвингушася».

«Слово некоего отца к сыну своему» продолжает развивать мысли «Слова некоего калуэра». В этом слове закладываются основы будущего «Домостроя». Отец призывает сына самому поразмыслить над теми двумя путями, по которым ему предоставлена возможность идти по жизни. Это или путь тех немногочисленных людей, которые «на небеси и на земли» оставили после себя память, либо путь «беспамяත්ства», т. е. греха. Первый путь — это путь кротости, смирения, любви, добросердия и милостыни.

Отец советует прежде всего сыну избегать греха («греха бегай, як и ратника») и призывает его быть милосердным: «Чудо, алчяного накорми, жьного напои, страняна введи, болына присети, в темнищи доиди, виджь беду их и воздохни». Именно эти добродетели, по мнению отца, способны привести сына к жизни вечной, то есть обрести путь спасения.

Особо подчеркивает отец необходимость посещения церкви, где сын должен стоять со страхом и прилежно внимать словам писания.

Специальное слово — «наказание» обращено к богатым. Оно призывающе воспрещает творить зло, помнить о том, что «истинный властелин — тот, кто собою обладает».

В Избранных статьях от многих «отец, апостолов и пророков и иных книг» Изборник 1076 г. вынул неоянсам-христианам «вечные истинны» морали новой веры, изложенные в форме сентенций, гномий.

Изборник 1076 г. положил основание созданию оригинальных в древнерусской литературе дидактических сборников типа «Измарагд», «Златая цепь», «Домострой».

К XI в. относится ряд дошедших до нас Служебных Миней, в том числе Новгородская 1095—1097 гг. на сентябрь, октябрь и ноябрь. Такие сборники, как «Гриоль постная» (содержала службы до наступления Пасхи) и «Гриоль цветная» (содержала службы на Пасху и после Пасхи), включали тексты молитв и песнопений, часть которых была создана талантливыми византийскими поэтами Романом Сладкопевцем, Иоанном Дамаскиным и др. Поэтические образы церковной гимнографии, входя постепенно в повседневный быт, становились арсеналом художественных средств оригинальной древнерусской письменности.

Очевидно, сразу же по принятии христианства на древнерусский язык были переведены избранные отрывки из ветхозаветных библийских книг, составившие сборники так называемых Паремийников, предназначенных для богослужебных чтений. Полностью текст пятидесяти ветхозаветных книг был переведен на древнерусский язык в 1499 г. в Новгороде по инициативе архиепископа Геннадия.

Наибольшей популярностью из всех ветхозаветных книг пользовалась Псалтырь. По этой книге учили грамоте. Тексты псалмов заучивались наизусть. Псалтырь привлекала внимание древнерусского читателя своим лирическим пафосом, повествовательностью, сочетавшимися с аллегоризмом и абстрактной обобщенностью, а также высокохудожественной формой изложения.

Очень рано на Руси стали известны тексты толковой и гадательной Псалтыри. Толковая Псалтырь содержала толкования — разъяснения аллегорического смысла псалмов, а гадательная предназначалась для разрешения сомнений, она призвана была помочь человеку принять «правильное» решение.

Тексты канонических церковных книг почитались «священными» и пользовались непререкаемым авторитетом. Они считались источником «божественной мудрости», глубоко скрытый смысл которой нужно правильно истолковать и понять. В связи с этим древнерусские книжники обращаются за помощью к патристической литературе, т. е. к творениям «отцов церкви».

Нравоучительные «слова» знаменитого константинопольского викария Иоанна Златоуста получили у нас распространение в сборниках «Златоструй», «Златоуст», «Маргарит». «Златоструй», составленный под руководством царя Симеона, был весьма популярен на Руси. Здесь в него, однако, стали вносить произведения чисто русских, авторы которых, желая придать вес своим сочинениям, приписывали их созданию знаменитому византийскому ритору. Сборник «Златоуст» был посвящен толкованиям недельных апракосных евангельских текстов.

Из сочинений Василия Великого на Руси был известен «Шестоднев» в переводе Иоанна экзарха болгарского. Это произведение подробно знакомило читателя с «шестью днями» творения мира. В нем сообщались сведения о природе, растительном и животном мире, а также о человеке как венце божьего творения.

Довольно рано стала известна на Руси мрачная аскетическая поэзия «слов» Ефрема Сирина, входивших в византийский сборник «Паренесис». Из этого сборника были извлечены «слова» «о злых женах» и «о страшном суде и антихристовом пришествии».

Пути нравственного совершенствования человеческой души, хождения ее к богу указывала «Лествица» Иоанна Лествичника. Систематически излагало догматику христианского вероучения «Слово о правой вере» Иоанна Дамаскина, переведенное в Болгарии.

Как правило, большинство произведений «отцов церкви» были связаны с традициями античного ораторского искусства. Используя приемы великих ораторов, они насыщали свои «слова» яркими образами, добиваясь нужного эмоционального воздействия на слушателей — читателей. Своим «словам» они придавали вневременной общечеловеческий характер, адресуя их слушателям различных социальных положений и этнической принадлежности. Патристическая литература главное внимание уделяла духовной стороне жизни человека и требовала отрешения от «скоропредоидной прелесть» текущей жизни.

Житийная литература. Важным средством религиозно-нравственного воспитания была агиографическая литература — житийная, посвященная жизнеописаниям святых. В занимательной форме здесь давался наглядный урок практического применения отвлеченных христианских догм. Она рисовала нравственный идеал человека, достигшего

полного торжества духа над грешной плотью, полной победы над земными страстями.

Формирование и развитие агиографической литературы относится к первым векам существования христианства. Она вбирает в себя элементы античного исторического жизнеописания, использует ряд черт эллинистического романа, и в то же время ее происхождение непосредственно связано с жанром надгробной похвальной речи. Житие сочетает занимательность сюжетного повествования с назидательностью и панегириком. В центре жития — идеальный христианский герой, следующий в своей жизни Христу.

В VIII—XI вв. в Византии вырабатывается каноническая структура жития и основные принципы изображения житийного героя. Присходит своеобразное иерархическое разделение житий по типам героев и характерам их подвигот.

Тип героя определяет тип жития, и в этом отношении житие напоминает икону. Подобно иконе житие стремится дать предельно обобщенное представление о герое, сосредоточивая главное внимание на прославлении его духовных, нравственных качеств, которые остаются неизменными и постоянными. Составители житий сознательно преобразуют факты реальной жизни, чтобы показать во всем величии красоту христианского идеала. Характер этого идеала накладывает печать на композиционную и стилистическую структуру жития.

Жизнеописание святого обычно начинается с указания на его происхождение, как правило, «от благочестивых», «пречестных» родителей, реже от «нечестивых», но и этот факт призван лишь контрастнее оттенить благочестие героя. В детстве он уже отличается от своих сверстников: не ведет «пустотных» игр, бесед, уединяется; овладев грамотой, начинает их мудрость. Затем герой отказывается от брака или, исполняя родительскую волю, вступает в брак, но соблюдая «чистоту телесную». Наконец, он тайно покидал родительский дом, удалялся в «пустыню», становился монахом, вел успешную борьбу с бесовскими искушениями. К святому стекалась «братия», и он обычно основывал монастырь; предсказывал день и час своей кончины, благочестиво, поучив братию, умирал. Тело же его после смерти оказывалось нетленным и издавало благоухание — одно из главных свидетельств святости умершего. У его нетленных мощей происходили различные чудеса: сами собой загорались свечи, исцелялись хромые, слепые, глухие и прочие недужные. Завершалась агиография обычно краткой похвалой. Так создавался обобщенный лучезарный образ святого, украшенный величскими христианскими добродетелями, образ, лишенный индивидуальных качеств характера, отрешенный от всего случайного, преходящего.

На Руси с принятием христианства стали распространяться жития в двух формах: в краткой — так называемые проложные жития, входившие в состав Прологов (Синаксариев) и использовавшиеся во время богослужения, и в пространной — минейные жития. Последние вхо-

диди в состав Четых-Миней, т. е. месячных чтений, и предназначались для чтения вслух за монастырскими трапезами, а также для индивидуального чтения.

Особой разновидностью апографической литературы являлись Патерики (Отчники), в которых давалось не все жизнеописание того или иного монаха, а лишь наиболее важные, сточки зрения их святости, подвиги или события. Уже, по-видимому, в XI в. на Руси был известен «Египетский патерик», созданный на основе «Лавсаика», составленного Палладием Еленопольским в 420 г. Этот Патерик включал рассказы о египетских монахах, которые вели успешную борьбу с демонами. Пользовался популярностью также «Иерусалимский», или «Синайский патерик» («Луг духовный»), составленный Иоанном Мосхом в VII в. Позже стал известен «Римский патерик». Присущая целому ряду патериковых рассказов занимательность, сюжетность повествования, сочетание наивной фантастики с бытовыми эпизодами привлекали внимание читателей. Эти рассказы затем входили в состав Прологов.

Характерными образцами патериковой новеллы могут служить рассказы о старце Герасиме, о его льве, о Таисе. Первый рассказ повествует о трогательной привязанности и любви льва к старцу, второй — о красоте подвига девушки.

Патериковый рассказ недаром привлекал многих писателей XIX в.: Толстого, Лескова, Флопера, Франса.

Первоначальная апографическая литература служила важным источником при создании оригинальных древнерусских житий. Однако древнерусские писатели внесли в разработку этого жанра много своего — оригинального и самобытного.

Апокрифы. Усвоение нового христианского мировоззрения Древней Русью шло не только путем перевода произведений канонической церковной литературы, но и путем широкого использования апокрифов. Слово «апокриф» — греческое, в переводе на русский язык означает «тайный», «сокровенный». Апокрифами назывались первоначально произведения, рассчитанные на узкий круг образованных читателей. В дальнейшем, когда появились различного рода ереси, апокриф стал использоваться еретиками для критики положений ортодоксальной догматики. В связи с этим официальная церковь после установления канона «священного писания» в IV в. причисляет апокрифы, получившие распространение у еретиков, к разряду книг «ложных», «отреченных». Те же апокрифы, которые, по мнению христианских ортодоксов, не противоречили каноническому «писанию», допускались к обращению. При этом точных критериев, к какому разряду отнести тот или иной апокриф — к «ложным» или «допускаемым», — не было. Первый индекс «ложных» книг появился в VI в., его составление приписывают Анастасию Синаиту. Затем этот индекс объединили с указателем книг «допускаемых». К XI в. относятся дошедший до нас в списке XIV в. в составе Номоканона Индикт-южнославянский. Он затем был использован Киприаном в его Молитвеннике. Русский митрополит дополнил южнославянский список ука-

ванием «*бogoотметных*» и «*неправедных*» галательных книг. На протяжении XVI в. список Киприана расширялся и получил окончательную редакцию в «Кирилловой книге» 1664 г., где дан подробный перечень книг «истинных» и «ложных». При этом в разряд «истинных» попадают апокрифические произведения. Таким образом, апокрифами называются такие легендарно-религиозные повествования, которые тематически близки к каноническим ветхозаветным и новозаветным книгам, но резко расходятся с ними в трактовке событий и характера персонажей. Апокрифы широко воирают в себя народные представления, художественные приемы устной поэзии.

Апокрифические произведения проникают на Русь также в устной передаче. Их приноят паломники, побывавшие в «святых местах».

Тематически апокрифы делятся на ветхозаветные, новозаветные и эсхатологические. Ветхозаветные апокрифы развивают сюжеты ветхозаветных книг. Их героями являются Адам, Ева, праотцы Енох, Мельхиседек, Авраам, цари Давид и Соломон. Новозаветные посвящены рассказам о Христе, апостольским «обходам» и «деяниям». Эсхатологические апокрифы связаны с фантастическим повествованием о загробной жизни, конечных судьбах мира.

Особую группу составляют апокрифические жития, к которым относятся жития Федора Тирона, Никиты, Георгия Победоносца.

Основной поток апокрифической литературы шел на Русь из Болгарии и был связан с ересью богомилов. Эта ересь, название которой связано с именем ее идеолога Богомила, подвергала пересмотру ортодоксальное монотеистическое учение. Являясь своеобразной религиозной формой социального протеста народных масс, богомильская ересь развивала дуалистическое учение о господстве в мире двух равновеликих сил — добра-Бога и зла-дьявола. Порождением этих двух сил является человек, имеющий божественное — духовное — начало и дьявольское — материальное. В связи с этим, утверждали богомилы, каждый человек должен вести непрестанную борьбу с материальными началами жизни — источниками зла — во имя торжества духа. Они проповедовали воздержание, нравственное самоусовершенствование.

Дуалистические воззрения богомилов отразились в целом ряде апокрифов, которые благодаря своей конкретности, яркой образности приобрели большую популярность на Руси. Одно из таких апокрифических сказаний зафиксировано «Повестью временных лет» под 1071 г., где в уста языческого волхва вложен рассказ о сотворении человека.

С дуалистическими богомильскими представлениями связан апокриф «*Како бог сотвори Адама*». Конкретизируя библийскую легенду, апокриф изображает Бога и дьявола как силы равновеликие, хотя основным творцом человека выступает Бог. Если, согласно рассказу книги «Бытие», Бог создает человека из персти земной по своему образу и подобию и сам процесс творения происходит мгновенно, то в апокрифе творение человека длится определенное время, поскольку бог создает его из 8 частей: он берет от земли тело, от камня — кости,

от моря — кровь, от солнца — очи, от облака — мысли, от света — свет, от ветра — дыхание, от огня — тепло. В данном перечне отражается поэтическая образность народного мышления. Здесь каждая «часть» содержит метафору, правда, еще не развернутую.

В процессе творения дьявол стремится всячески напасть на Божью волю. Воспользовавшись отсутствием последнего, дьявол измазал тело Адама своими нечистотами. Когда Бог из этих нечистот создал собаку и оставил ее охранять свое творение, дьявол, не решаясь подойти близко (он боится собаки!), истыкал тело Адама деревом. Этот поступок он оправдывает вайшей пользой самого Бога. Наделив человека 70 недугами, дьявол позаботился о том, чтобы человек никогда не забывал о своем творце. Какое верное жизненное наблюдение! Ведь человек, как правило, «поминает» Бога тогда, когда впадает в недуг, когда ему приходится тяжело.

Так в апокрифе библейская легенда приобрела конкретное звучание и, конечно, была более доходчива для вчерашнего язычника, чем сухой, лаконичный рассказ канонического писания.

Большинство ветхозаветных апокрифов входило в состав «Палее» (в переводе с греческого значит «старая») — сборника ветхозаветных рассказов. Здесь был помещен ряд апокрифических сказаний, посвященных Аврааму, Мельхиседеку, Иосифу, а также царю Соломону.

Имя Соломона пользовалось большой популярностью у народов Ближнего Востока, где, очевидно, и сложились основные апокрифические легенды. На Руси рано были известны «Сказание о Соломоне и Китоврасе», «Суды царя Соломона», «Соломон и царица Южская» (Савская).

«Сказание о Соломоне и Китоврасе» повествует о том, как Соломон заставил служить себе демоническое существо: получеловека-полукошку Китовраса (в такой транскрипции было передано на Руси греческое слово «кентавр»). При строительстве Иерусалимского храма Соломон не может обойтись без помощи Китовраса: только он может научить его, как обрабатывать камень без применения железа. И Китоврас, хитро пойманный боярами Соломона, помогает добыть «шамир» — алмаз, которым и обтесывают камни, возводя «святыя святых».

В апокрифе сопоставляются два героя: Соломон и Китоврас. И хотя Китоврас — существо демоническое, наделенное необыкновенной силой, он не уступает в мудрости Соломону, ему не чужды человеческие качества — доброта, сострадание. Именно Китоврас является главным действующим лицом апокрифа, тогда как Соломон принадлежит довольно пассивная роль. В «Сказании» дается ряд афористичных нравоучительных сентенций, близких к народным пословицам: «*Всяк пльй вино не умдрялещи...*», «*мягко слово кость ломит, а жестокое слово гнев въздызает*».

По-видимому, «Сказание о Соломоне и Китоврасе» было известно на Руси уже в XI — начале XII в.

Как установил А. Н. Веселовский, славянские сказания о Соломоне и Китоврасе близки к талмудическому апокрифу о Соломоне и Асмо-

дее, который восходит к иранской, а далее к индийской легенде. Но, очевидно, в основу славянских сказаний был положен не сохранившийся до наших дней византийский текст, где Асмодея заменил Кентавр.

На Руси пользовались популярностью также апокрифические сказания о судах Соломона, где русского читателя привлекал образ мудрого судьи, справедливо разрешавшего преимущественно гражданские тяжбы. Апокриф «Соломон и царица Южская» был посвящен рассказам об испытании Семирамидой мудрости Соломона.

К новозаветным апокрифам относятся Евангелия Николаима, Иоанна и Фомы. Они как бы дополняли канонические Евангелия, сообщая ряд подробностей, связанных с родителями Богоматери Иоакимом и Анной, рождением Христа и его детскими годами, его «страстями».

К новозаветным апокрифам относится «Сказание Афродитиана о чуде в Персидской земле». Оно подчеркивало закономерность и неизбежность смены язычества новой христианской религией, в результате чего наступило «*окончание чести идолам*». Эта идея была весьма актуальной для Руси XI — начала XII в., где пережитки язычества все еще были значительны.

Большой интерес для древнерусского читателя представляли апокрифы эсхатологические, разветвившиеся фантастические картины по ту сторону жизни, конечных судеб мира. Эти апокрифы являлись действенным средством воспитания и пропаганды новой христианской морали, конкретизировали христианскую идею воздаяния в «веке будущем» за соответствующие поступки в земной жизни.

К эсхатологическим апокрифам относятся «Павлово видение», «Сказание о Макарии Римском», «Откровение» Мефодия Патарского и особенно популярное «Хожение Богородицы по мукам».

Сюжет «Хожения» довольно прост: Богородица в сопровождении архангела Михаила посещает ад и в своем «путешествии» по аду является свидетельницей разнообразных мучений грешников. Адские мучения изображаются весьма конкретно, при этом последовательно проводится мысль о воздаянии на том свете за грехи. Не веровавшие в Троицу погужены в страшную тьму. Так реализуется метафорический образ «*языческой тьмы*». Характерно, что древнерусский текст апокрифа помещает сюда и тех, кто при жизни своей боготворил солнце, месяц, землю и воду, зверей и гадов, кто верил в Трояна, Хорса, Велеса и Перуна.

К раскаленным железным крючьям подвешены за зуб сплетники, за язык — клеветники, за ноги — развратники, из их уст исходят змеи, терзающие их же тела. Ленивые, любители поспать, пригвождены в аду к раскаленным кроватям. Нарушители клятв, дети, проклятые своими родителями, полоеды погужены в зависимости от тяжести совершенного греха в огненную реку: одни по лазу, другие по шею, а третьи огненные волны скрывают с головой. При этом ад, расположенный глубоко под землей, имеет, как утверждает апокриф, свою географию: север, юг и запад.

Картины адских мучений, которые рисует «Хождение», яркие и конкретны. Они отличаются от абстрактных обобщенных представлений канонического «писания», говорившего только, что грешников на том свете ожидает «мраз», «скрежет зубов», «червь неусынный».

Форма «Хождения», т. е. путешествия, давала возможность свободно варьировать адские мучения в зависимости от той социальной среды, в которую попадал апокриф. Так, в народной демократической среде апокриф наполнялся новыми картинами адских мучений жестоких и немилостивых бояр и боярынь, злых князей, царей и патриархов, приказчиков и сенных ключниц.

Конкретными человеческими качествами наделена в «Хождении» Богородица: это женщина-мать, глубоко сочувствующая мукам и страданиям людским, ее сердце преисполнено любовью и жалостью к мучающимся грешникам, она сама готова разделить их муки и спешит прийти им на помощь. Только тех, кто предал и распыл ее сына, не в состоянии простить ее материнское сердце.

Богородица противопоставлена в апокрифе жестокому, равнодушному к человеческим скорбям Богу. Он суров и безучастен к страданиям грешников. Трижды приходится Богородице совместно со всем небесным воинством умолять непреклонного, жестокого Бога. И только на третий раз соглашается он послать своего сына — Христа «*жить свое лицо грешникам*», и Христос дает грешникам покой от великого четверга до пятидесятницы (восемь недель).

Апокриф резко расходился с канонической церковной литературой в трактовке божеской справедливости, любви и милосердия.

Таким образом, занимательность рассказов, яркость, конкретность и образность изложения, близость фольклору способствовали популярности апокрифической литературы. Постепенно вбирая в себя черты русской действительности, некоторые апокрифические сказания становились достоянием фольклора, бытовали в виде устных легенд, духовных стихов.

Историческая и «естественнонаучная» литература. Выработке новых христианских воззрений на природу, историческую жизнь народов способствовал перевод византийских хроник, «естественнонаучных» сочинений.

Особой популярностью на Руси пользовалась хроника Георгия Амартола, созданная в IX в. и дополненная Симеоном Логофетом в X в. Изложение событий «мировой» истории здесь начиналось от сотворения мира и включало историю древнееврейскую и, как ее продолжение, византийскую. Излагая события византийской истории, доведенной до 948 г., Георгий Амартол и Симеон Логофет большое внимание

уделяли церковной жизни. Трактовка исторических событий давалась с религиозно-дидактической, провиденциалистской точки зрения. Хроника знакомила русского читателя с событиями мировой истории, служила и назидательным чтением. Ее материалы использовались русскими летописцами для уяснения места и судеб Русской земли в «мировой» истории.

Меньшей популярностью пользовались на Руси хроника Иоанна Малалы (VI в.) и хроника Георгия Синкелла (VIII в.); изложение событий в последней было доведено до императора Диоклетиана (III в.). В обеих хрониках преобладал мирской элемент. Георгий Синкелл включил в свою хронику много языческих мифологических рассказов и почти не касался событий церковной жизни.

В XI—XII вв. путем обработки хроник Георгия Амартола и Иоанна Малалы на Руси была создана первая редакция «Еллинского и Римского летописца», вторая редакция которого (XIII в.) явилась основой древнерусских хронографов.

Своеобразной средневековой «естественнонаучной» энциклопедией были «Шестоднев» и «Физиолог». Сообщая сведения о растительном мире и животном царстве, эти произведения включали много баснословного, фантастического и вместе с тем поэтического.

Так, например, «Физиолог» сообщал о чудесной птице феникс, пресохнувшей своей красотой павлина и всех пернатых. Она носит на своей голове венец и «*сапоги на ногу, якоже царь*». Живет эта прекраснейшая птица в Индии близ Солнечного града. В течение пятисот лет лежит она на кедрах ливанских без всякой пищи. Тогда звонит в колокол иерей Солнечного града, и при его звоне слетает феникс на землю и входит к священнику в церковь, садится на ступени алтаря и превращается в пепел. Наустро же священник, придя в церковь, находит там вновь возродившуюся из пепла птицу. Описывает «Физиолог» и фантастического зверя единорога, который подобен «*козляти*» и очень кроток, но охотник не может приблизиться к нему, потому что единорог очень силен, имея один рог посередине головы. А вот птица «*сири*» — «*до чресл*» образ человеческого, а хвост гусиный. Своим «*благосаголаи*ем и благоословием *возжигает сердца беззлых*». «Физиолог» не ограничивается простым описанием животных, он дает символическое толкование их свойств. Так, феникс — это образ праведника, свидетельство воскресения Христа.

Описываемые свойства животных «Физиолог» объясняет как определенные состояния человеческой души.

Образ одинокоживущей горлицы — идеал супружеской верности и любви: потеряв любимого или любимую, горлица удаляется в пустынное место, где на сухом древе оплакивает невозвратимую утрату. Трухлявое дерево, которое долбит дятел, устраивая внутри себе гнездо, — символ душевной слабости человека, этой слабостью и пользуется дьявол, который овладевает душой и там возгнездится.

¹ См.: Тихомиров Н. С. Отреченные книги древней России // Тихомиров Н. С. Соч. М., 1898. Т. I. С. 127—255.